

ЭКОНОМИКА, ВОЙНА И ПОЛИТИКА

П. Е. Сорокин

ВЗЯТИЕ ЛАНДСКРОНЫ

Крепость Ландскрона, построенная летом 1300 г. на Неве шведами, была взята и разрушена в следующем 1301 г. русскими войсками. Описание этих событий имеется в русских летописях и шведской хронике Эрика начала XIV в., которые взаимно дополняют друг друга, рассказывая о событиях с разных сторон и освещая различные детали. Новгородская I летопись сообщает, что в строительстве крепости участвовали мастера из Рима, присланные от папы, и она была укреплена — «твердости несказанной». Оборона крепости была усилена метательными машинами — пороками¹. Согласно хронике Эрика, она выглядела как мысовое укрепление: «Над тем рвом стояла стена с восемью башнями с бойницами; ров был вырыт между обеими реками, за ними стояло все войско»². Существование шведской крепости на Неве означало утрату свободного выхода с территории Руси в Балтику, через который велась основная торговля с Северной Европой. Кроме того, она могла успешно контролировать территорию Ижорской земли: «...Крепость та была так поставлена, что жителям того края ничего другого не оставалось, как подчиниться или бежать, если они хотели остаться в живых...» — отмечал хронист. Подошедшие к крепости русские войска не смогли взять ее штурмом. После их ухода и завершения строительства шведский флот отплыл в Швецию, оставив в Ландскроне гарнизон 300 человек.

Весной 1301 г. великий князь Андрей Александрович прибыл в Новгород и начал подготовку похода. Новгородская I летопись кратко описывает ее штурм: «приде князь великий Андрей с полкы низовьскими, и иде с новгородцы к городу тому, и приступиша к городу месяца мая 18... град взят бысть, овых избиша и исекоша, а иных извязавше поведоша с города, а град запалиша и розгребоша...»³. Некоторые подробности штурма Ландскроны описывает Хроника Эрика. В ней сообщается

о больших силах, пришедших на Неву: «Русские тогда снова собрались и карелы, и язычники...», это было «...громадное войско...». С конца весны обороняющиеся могли рассчитывать на скорую помощь из Швеции, но она задерживалась. После того как русский конный отряд проследовал к устью Невы, шведы, числом «менее двадцати», отправились за ним. «Когда они подъехали к устью, то ничего там не заметили, кроме срубленных бревен, которые были туда притащены и свай, которые они собирались вбивать...». Убедившись, что русские хотели «забить сваями устье реки», шведский разведывательный отряд решил вернуться в крепость. Судя по всему, все это происходило у устья Большой Невки, которое было достижимо от Ландскроны по суше. Расстояние, названное в хронике, — две шведских мили от крепости, примерно соответствует такому расположению. Именно по этому рукаву Невы шел наиболее удобный и короткий путь к Ландскроне, при плавании по привычному для шведов маршруту вдоль северного берега Финского залива. Еще в XVII столетии на шведских картах этот вход в дельту Невы отмечен как «Старый путь к Ниену». На обратном пути в крепость «...прорвались они через все три засады...», устроенные русскими в лесу, в каждой из которых было по сотне человек. В столкновении получил ранение воевода Стен, «многие были выбиты из седел и вынуждены пробиваться пешими. Русские преследовали их до самых крепостных ворот». Отправка русского отряда к устью Невы, по мнению ряда исследователей, была попыткой выманить шведов и уничтожить их за пределами крепости⁴. Однако ход событий показывает, что нападение на них не было хорошо спланированной операцией и они беспрепятственно достигли места назначения, а затем смогли прорваться обратно, несмотря на значительное численное превосходство русских. Вероятно, это были дозоры охранения основных сил, находившихся поблизости и их осторожность объясняется тем, что они не располагали достоверной информацией о реальных силах противника.

Перекрытие входа в Неву во всех ее протоках, с помощью деревянных заграждений, чтобы отрезать крепость от помощи из Швеции, было технически невыполнимой задачей, учитывая значительную ширину и глубину реки, на что указывали большинство исследователей. И. П. Шаскольский предполагал, что заграждения могли быть плавучими⁵. Однако в создании водных преград не было ничего необычного — заграждения из рядов кольев, причем установленные и на значительных глубинах, известны в гаванях и заливах Скандинавии и они широко использовались в защите береговых объектов и водных путей того времени. Устройство их в узкой протоке Большой Невки — на вероятном пути следования шведского флота, создавали для него реальную угрозу.

Засады, устроенные на берегу в этом месте, могли нанести шведам урон и задержать их продвижение от устья Невы до Охты, в обычных условиях занимавшее около 6 часов при плавании против течения. Это дало бы возможность основным силам подготовиться к их встрече.

Из хроники известно, что за прошедшую зиму гарнизон крепости сильно уменьшился в результате голода и болезней и «...когда русские подошли, там было шестнадцать человек, способных к бою». Вызывает сомнение, что такие силы могли длительное время сопротивляться большому войску и выдерживать штурм даже в хорошо укрепленной крепости. Напротив, учитывая ее большие масштабы, рассредоточение их по разным направлениям делало ее фактически беззащитной. Вероятно, в хронике упомянуты только знатные воины и осажденных было значительно больше. Это показывает и дальнейшее развитие событий: «Русские штурмовали и днем и ночью, много было нанесено сильных ударов... язычники часто сменялись. Один отряд уходил, другой подходил».

Штурмующим удалось зажечь крепостные сооружения: «В крепости той вспыхнул огонь, и она загорелась, и русские вошли с рукопашным боем. Христиане тогда ушли с крепостных стен внутрь погребца и там защищались. Некоторые же были убиты на стенах». Серьезного сопротивления внутри крепости осажденные не оказали: «они были разбросаны, и каждый погибал в своем углу, многие были убиты и из тех, что лежали больные». Последние шведские воины закрепились в погребе, вероятно, представлявшем собой единственное укрытие, которое не подверглось огню. «...После того у них в погребе том была жаркая схватка... Они так защищались... что русские не могли их взять». Однако вскоре, осознав бессмысленность сопротивления, оставшиеся в живых воины, во главе с воеводой Стеном, сложили оружие.

«После того как пленных поделили и с этим было покончено, и добыча была взята, и крепость сожжена, все русские отправились домой и увели с собой пленных, немного уцелело от огня, так была взята крепость».

Крупномасштабные археологические раскопки на Охтинском мысу в 2006–2010 гг. впервые выявили остатки укреплений Ландскроны. Была исследована значительная часть территории крепости (около 70%), включающая центральную площадку и оборонительные рвы с восточной и в значительной степени с южной и северной сторон крепости⁶. Результаты раскопок показали, что Ландскрона по своему устройству не была типичным мысовым укреплением, как можно понять из Хроники Эрика. Она была регулярной и хорошо защищенной крепостью — имела прямоугольные очертания стен и была окружена тремя линиями оборонительных рвов. Первый окружал по периметру крепостную площадку, второй располагался от него на удалении 15–18 м, третий перерезал перешеек

между Невой и Охтой в 40 м южнее второго рва. Все рвы были трапециевидные в разрезе и достигали в ширину — 11 м, 15 м и 18 м. Глубина их составляла соответственно — 2,8 м, 2,4 м и 2,5 м. Склоны двух первых были укреплены деревянными конструкциями. Реконструируемые размеры крепости по периметру второго рва достигают около 180 × 180 м. Можно предположить, что и с западной стороны — на берегу Невы были аналогичные укрепления, с тем лишь отличием, что здесь отсутствовал второй ров, так как он не вписывался в территорию мыса. Поэтому, вероятно, что в этой части он мог замыкаться на береговую линию Невы. С этой же стороны, вероятно, располагались крепостные ворота с подъемным мостом через ров, подходы к которым были защищены вторым рвом, выходящим к Неве через узкий перешеек между ней и крепостью. Косвенно такое расположение подтверждается отсутствием следов крепостного моста на других — хорошо изученных частях рвов.

На внутренней площадке крепости, окруженной первым рвом, площадью около 13 000 м кв., была исследована насыпная платформа, сnivelированная неровности мыса и укрепления мысового городища предшествующего времени. В основе платформы были периметральные линии деревянных сооружений — городней, сложенных и срубленных из основных деревьев. Многорядные линии бревенчатых городней, заполненных бревнами, ветками, дерном и песком, шириной около 21 м, располагались параллельно рвам крепости, образуя каре. Внутреннее пространство, пересекаемое в центре крестообразными линиями городней, также было заполнено грунтом. Сохранившаяся ко времени раскопок высота деревоземляной платформы на внутренней площадке крепости составляла 1–3 м. Платформа имела бревенчатые стенки, под углом обложенные дерном, и плоское завершение, на верху которого располагались по периметру крепостные сооружения. Судя по имеющимся аналогиям, платформа могла быть значительно выше сохранившейся высоты, поэтому уровень основных сооружений крепости оказался срыт при последующих перепланировках. Именно это сооружение — необычное для русского крепостного строительства, и получило название гора в ряде русских летописей. Реконструируемые размеры крепости, имевшей форму квадрата, были около 90 × 90 м. Упомянутые хроникой восемь башен располагались, вероятно, в углах стен и в их центральных частях. Ядром новой крепости, вероятно, должен был стать конвент — комплекс крепостных сооружений в форме каре, включавший общественные, жилые и хозяйственные помещения, располагавшиеся по периметру внутреннего двора. Его внешние стены выполняли при этом роль оборонительных стен крепости. Между ними и первым рвом, вблизи его края, могла существовать еще одна линия обороны в виде стены или частокола⁷.

Единственным подземным сооружением, обнаруженным в пределах внутренней площадки крепости в ее западной части, примыкающей к линии городской, был — подземный сруб с колодцем — резервуаром для воды в основании. Сруб, сохранившийся на высоту до 3,8 м, имел размеры 5,3 × 5,1 м. Основание его было опущено с древней дневной поверхности примерно на 1,7 м ниже современного уровня Невы. В верхней части сруба, заброшенного после пожара и обрушения, имелись вырубki под лаги перекрытия. В нижней части на двух уровнях были зафиксированы остатки настилов и обвязка колодца столбовой конструкции с досками, набранными в пазы в основании.

Следы штурма, пожара и разрушения Ландскроны в 1301 г. отложились в заполнении первого рва. С этим событием связаны нагромождения сторевших обломков крепостных стен на его внутреннем склоне, прокаленный песок, обожженные бревна, скатившиеся вниз с верхней крепостной площадки, слой пожара с древесным углем на дне рва.

В деревянных конструкциях и в заполнении рвов, преимущественно первого, были обнаружены многочисленные предметы вооружения — наконечники копья, сулицы, стрел и арбалетные болты. Большинство их — 27 найдены в слое разрушения Ландскроны 1301 г. со следами пожара и остатками рухнувших стен вдоль южной и восточной стен крепости, еще 26 оказались в поздних переложенных слоях. Со штурмом связана и значительная концентрация гранитных булыжников, использовавшихся в качестве метательных орудий⁸.

Скопление арбалетных болтов и два наконечника станкового крепостного арбалета с внешней стороны юго-восточного угла первого рва показывают, что обстрел атакующих велся в этом месте шведами с крепостных стен и башен. Значительная концентрация предметов вооружения зафиксирована также в центральной части первого рва с восточной стороны. На краю крепостной платформы, обращенной в его сторону, на небольшом участке найдено 9 наконечников стрел. Большинство их было воткнуто в дерновую облицовку склона и связывается с осаждающими, обстреливавшими противника во время штурма. Облицовка внутреннего склона рва в этом месте оказалась разобрана и хаотично рассредоточена по его дну. Под скоплением деревянных деталей на дне лежал пеньковый канат длиной 32,75 м, толщиной — 3 × 5 см, который мог служить как осаждающим для подъема на стену, так и осажденными для метательных орудий и других целей.

В других местах укреплений встречены единичные предметы вооружения, причем большинство в перемещенном состоянии, что может быть связано с последующей перепланировкой участка. Шведский гарнизон Ландскроны, несомненно, был вооружен арбалетами, наличие

в крепости метательных орудий — «пороков», в числе которых были как камнеметные машины, так и станковые арбалеты, подтверждают археологические находки. Отдельные арбалетные болты, найденные на внутреннем склоне первого крепостного рва, простреливаемом только с внешней стороны крепости, в том числе и в деревянных конструкциях его облицовки, может свидетельствовать о том, что осаждающие наряду с луками и дротиками также использовали арбалеты.

Наиболее распространенными способами взятия городов на Руси были захват их врасплох «наездом» или «изгоном» — молниеносным нападением на неподготовленную к защите крепость через ворота, или «облежание» — продолжительная осада⁹. Открытому штурму прибегали редко, и этот вид взятия городов становится более частым с XIII в., особенно после монгольского нашествия. Штурм крепостей мог сопровождаться рытьем подкопов, засыпкой рвов, использованием осадных башен, временных заграждений, штурмовых лестниц и метательных орудий. Но наиболее эффективным способом штурма деревянных укреплений на Руси был их поджог — «примет», приводивший к быстрому разрушению стен и башен и деморализации противника. Поджечь город можно было при приступе, когда осаждающим удавалось добраться до деревянных сооружений, либо посредством горящих стрел и метательных орудий. Последний способ приводил к локальным возгораниям и был менее предсказуемым, но мог вызвать пожар внутри крепости.

Учитывая эшелонированную оборону Ландскроны, рытье подкопов и засыпка рвов, так же как и прямой штурм с использованием приставных лестниц и размещение вблизи нее штурмовых башен — туров и метательных орудий, под огнем с крепостных стен, были затруднительны. Помимо основных крепостных сооружений, находившихся на центральной площадке, окруженной первым рвом, укрепления в виде стены или частокола должны были располагаться на межрвовном пространстве между первым и вторым рвами, а также, вероятно, перед третьим рвом между Охтой и Невой. Берега этих рек севернее его также могли быть укреплены частоколом, образуя, таким образом, форбург вокруг крепости. Однако защита таких мощных и масштабных укреплений могла быть успешной только при наличии в них достаточного гарнизона. Малочисленность его делала оборону крепости мало эффективной и позволяла осаждавшим использовать не защищенные внешние укрепления в качестве укрытия на подступах к ней.

Русские войска наступали с наименее защищенной напольной южной стороны. Третий ров, судя по всему, не оборонялся из-за недостатка сил, и наступающие заняли плацдарм между третьим рвом, рекой Охтой и вторым оборонительным рвом. Расположение находок предметов во-

оружения показывает, что основным направлением штурма Ландскроны было юго-восточное. Вероятно, какая-то часть осаждающих располагалась и на правом берегу Охты, обстреливая с закрытых позиций восточную стену крепости и обеспечивая прикрытие штурмующих на этом направлении. Проход вдоль левого берега в северную часть мыса был перекрыт дополнительным сухим рвом, соединявшим первый и второй рвы Ландскроны с Охтой. Во втором рву и на межрвовном пространстве также не было обнаружено явных следов боя, за исключением двух арбалетных болтов с южной стороны, таким образом, два первых оборонительных рубежа, вероятно, были заняты русскими без боя. Сложнее было преодолеть основную линию укреплений — первый ров и находившиеся за ним стены, которых вероятно было две. Концентрация предметов вооружения и обгоревшая облицовка склонов первого рва, особенно с южной и восточной сторон, свидетельствуют о наиболее интенсивном штурме на этом направлении. По колам и плахам, обгоревшим почти до самого дна рва, можно видеть, что они были сухими, а не наполненными водой, как считали некоторые исследователи. Деревянная облицовка и колы, забитые в основании, затрудняли подъем по склонам высотой около 2.8 м. За ним располагалось заграждение вдоль рва, далее следовал склон платформы и стена конвента.

Описанная тактика непрерывного приступа, изматывавшая осажденных, напоминает штурм городов монголо-татарами, когда значительное численное превосходство позволяло постоянно вводить в бой свежие силы, сменяя одни отряды другими. Они также славились умелым применением метательных зажигательных снарядов¹⁰. Начало активного использования осадных, в том числе метательных машин, в военном деле Северо-западной Руси относится к первой четверти XIII в. после столкновений с крестоносцами в Восточной Прибалтике¹¹.

С погребом — «kellare», упоминаемым в Хронике Эрика, может быть соотнесено срубное подземное сооружение в северо-западной части крепости. Но верхняя его часть, которая и могла быть последним пристанищем остатков гарнизона крепости после взятия штурмующими основных укреплений, не сохранилась. Обычно погреба располагались в нижних ярусах башен и в них хранились съестные и военные припасы, а в основании имелись колодцы. Большие башни, служившие для защиты гарнизона в случае захвата противником основных укреплений, обычно располагались внутри крепостей того времени. Нижний ярус таких башен, служивший погребом, возвышался над землей до нескольких метров, но в нем не было входных проемов, за исключением специальных окон для перемещения грузов. В нее можно было попасть только по специальному деревянному пандусу через дверь в нескольких метрах над

землей. Следует признать, что в источниках нет упоминания о существовании такой башни в Ландскроне. Но возможно, она не была завершена, так как ее предполагалось сразу возводить в камне и к моменту штурма из дерева была сделана только ее нижняя часть — с резервуаром для воды в основании. Находясь в стороне от основных сооружений конвента, заглубленный в грунт погреб в начале пожара уцелел от огня и поэтому в нем могли укрыться осажденные.

Разрушение Ландскроны характеризуется в русских летописях такими выражениями, как: «запалиша и разгребоша...»¹², «...гору раскопаша»¹³, а в шведской хронике — «...крепость сожжена... не много уцелело от огня». Из этого следует, что все деревянные сооружения были уничтожены пожаром, а земляные насыпи срыты. Однако раскопки показали, что рвы Ландскроны почти не были засыпаны после штурма и сохранились на местности, заплывая естественным образом вплоть до строительства здесь в XVII в. Ниеншанца, а основание деревоземляной платформы сохранялось на высоту до двух и более метров до нашего времени. Таким образом, дефортификация крепости носила ограниченный характер, что может объясняться большим объемом земляных работ, требовавшихся для нивелирования укреплений.

Следует отметить, что основные эпизоды штурма Ландскроны повторились спустя столетия — при штурме захваченного шведами Орешка. Крепость, осажденная новгородцами в августе 1348 г., полгода находилась в осаде и только 24 февраля по льду был начат ее штурм. Он также сопровождался поджогом городских укреплений и после того, как русские ворвались в горящий город, шведы пытались укрыться в единственной каменной башне — «костре»¹⁴. По-другому складывалась ситуация с Выборгом, который в 1293 г. сразу строился в камне, на возвышенном острове и в центре его была возведена большая башня, позволявшая контролировать подходы к крепостным стенам. Несмотря на неоднократные попытки штурма, русским войскам так и не удалось овладеть Выборгом до самой Северной войны. При осаде Выборга Юрием Даниловичем в 1322 г. использовались метательные машины — 6 пороков, привезенные из Новгорода, однако штурм, проведенный после месячной осады, оказался неудачным¹⁵, что и привело, наряду с другими обстоятельствами, к заключению в следующем 1323 г. Ореховецкого мира, закрепившего за Швецией Выборг и три западнокарельских погоста и на четыре столетия разграничившего владения Руси и Швеции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Полное собрание русских летописей. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 91.

² *Шаскольский И. П.* Борьба Руси за сохранение выхода в Балтийское море в XIV веке. Петрозаводск. 1987. С. 18–25. Здесь и далее текст Хроники Эрика приводится по переводу И. П. Шаскольского (*Pipping R. Kommentar till Erikskrönikan*, Helsingfors, 1926).

³ Полное собрание русских летописей.. С. 91.

⁴ *Гиппинг А. И.* Нева и Ниеншанц, СПб., 2003. С. 88.

⁵ *Шаскольский И. П.* Борьба Руси за сохранение выхода в Балтийское море в XIV веке. С. 59–60.

⁶ *Сорокин П. Е.* Крепость Ландскрона: некоторые итоги историко-археологического изучения // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы 58-го научного семинара. Псков, 2013. С. 271–279; *Сорокин П. Е.* Крепость Ландскрона по письменным свидетельствам и результатам археологического изучения // Новгород и Новгородская земля. История и археология. 27. Новгород, 2014. С. 301–310.

⁷ *Сорокин П. Е.* Культурно-историческая стратиграфия Охтинского мыса // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Вып. 4. СПб., 2014. С. 32–36 (рис.1, 6).

⁸ *Сорокин П. Е., Михайлов К. А., Короткевич Б. С., Гукин В. Д., Матвеев В. Н.* Штурм крепости Ландскрона по историко-археологическим данным // *Stratum plus*. 2014, № 6. С. 103–113.

⁹ *Ивануц М. Г.* Тактика осадного боя на Руси (IX–XIII вв.) // Державни старожитности Центрально-Східної Європи VIII — X ст. Чернігов, 2003. С. 156.

¹⁰ См.: *Плано Карпини* (Кирпичников А. Н. Метательная артиллерия Древней Руси // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1958. № 77).

¹¹ *Рабинович М. Г.* Осадная техника на Руси в X–XV веках // Известия Академии наук СССР. Серия история и философия. 1951, Т. VIII, № 1. С. 67–68.

¹² Полное собрание русских летописей. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 91.

¹³ Там же. Т.VI. Вып. 1. Софийская первая летопись. М. 2000. С. 366.

¹⁴ Полное собрание русских летописей. Т. IV. Новгородская четвертая летопись. СПб., 1848. С. 59.

¹⁵ Полное собрание русских летописей. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 96, 339.

ЛИТЕРАТУРА

Гиппинг А. И. Нева и Ниеншанц. М.: Российский архив, 2003. 472 стр.

Ивануц М. Г. Тактика осадного боя на Руси (IX–XIII вв.) // Державни старожитности Центрально-Східної Європи VIII — X ст. Чернігов: Сиверяньска думка. 2003. С. 149–157.

История монгалов. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1911. 232 стр.

Кирпичников А. Н. Метательная артиллерия Древней Руси // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1958. № 77. С. 7–51.

Полное собрание русских летописей. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры, 2000. 692 стр.

Рабинович М. Г. Осадная техника на Руси в X–XV веках // Известия Академии наук СССР. Серия история и философия. Т. VIII, 1951, № 1. С. 61–75.

Сорокин П. Е. Крепость Ландскрона по письменным свидетельствам и результатам археологического изучения // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 2014. С. 301–310.

Сорокин П. Е. Крепость Ландскрона: некоторые итоги историко-археологического изучения // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы 58-го научного семинара. Псков, 2013. С. 271–279.

Сорокин П. Е. Культурно-историческая стратиграфия Охтинского мыса // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Вып. 4. СПб., 2014. С. 25–55.

Сорокин П. Е., Михайлов К. А., Короткевич Б. С., Гукин В. Д., Матвеев В. Н. Штурм крепости Ландскрона по историко-археологическим данным. Штурм крепости Ландскрона по историко-археологическим данным // *Stratum plus*. 2014, № 6. С. 103–113.

Шаскольский И. П. Борьба Руси за сохранение выхода в Балтийское море в XIV веке. Петрозаводск: Карелия, 1987. 139 стр.

Pipping R. Kommentar till Erikskrönikan. Helsingfors: Svenska litteratursällskapet i Finland, 1926. 421 S.